

утешение

16+

Алексей Бородкин

Алексей Петрович Бородкин

Утешение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42608190

SelfPub; 2019

Аннотация

Поздняя осень 1944 года, деревенька в российской глубинке. В доме механизатора Рябина дорогие гости – два лейтенанта советской армии. Один из них (Камышин) передаёт отцу похоронку и признаётся, что это он убил их сына, своего однополчанина... В качестве обложки использована фотография с сайта Pexels.

Была поздняя осень. Фактически зима. Озимые давно отсеяли, и уже поднялись над землёй ростки в ладонь высоту. Когда прихватывал морозец, пастух выгонял на эти зеленя телят.

Климент Петрович Рябин ездил с попуткой в район, за запчастями (работал механизатором в колхозе), вернулся поздно – к вечерней зорьке. В горнице обнаружил двух военных. Жена, Варвара, сидела в углу, под образами, перебирала руками платок. Было слышно, как тикают ходики, как скребётся под полом мышь.

Клим обвёл взглядом горницу:

– Мать! А что ж ты гостей голодом моришь?

Женщина поглядела на мужа, во взгляде читались стеснение и робость перед холёными офицерами.

– Что есть в печи, всё на стол мечи.

Хозяин протянул руку одному военному, второму. Промежду прочим глянул на погоны. Лейтенанты.

– Не имеете возражений отобедать с нами?

– Судя по времени – отужинать, – поправил чернявый. Он был среднего роста, худощав, с аккуратным пробором на голове. Усы носил узенькие, щёткой. Представился:

– Камышин Роман Александрович.

– Рябин, Климент Петрович. Будем знакомы.

– Полесников Денис Андреевич, – назвал себя второй лейтенант. Грузный крупный человек, белёсый и круглолицый. Он чуть тянул букву "о".

"С Поволжья, – сообразил хозяин. – Волгарь".

Между тем, хозяйка накрыла на стол. Картошка, огурцы, зелёный лук. Рядом солонка и маленькая плошка с постным маслом. Хлеб отдельно, вместе с ножом – хозяин порежет. В руках Варвара Филипповна держала бутылку с самогоном, сомневалась, ставить ли на стол.

– Погоди с этим, мать. Серьёзные люди у нас в гостях.

Клим положил на тарелку картофелину, придавил её ложкой. Окропил маслицем.

– По пути зашли, товарищи? Или дело какое ко мне имеете?

Чернявый Камышин сидел над пустой тарелкой, раздумывал. Полесников взял картофелину в руку, присыпал солью. Масла добавлять не стал, откусил так. Жевал с детским аппетитом – хозяйка заулыбалась.

Солнышко опустилось к земле, светило прямо в оконце. На столе загорелся квадрат с перекрестием. Тёплый, уютный. Хотелось положить ладонь и потрогать разогретые доски. Почувствовать доброе ласковое дерево.

Камышин расстегнул планшет, достал маленький розовый квадратик – сложенный вдвое клочок бумаги. Положил непосредственно перед хозяином. Климент Петрович накрыл этот квадратик ладонью, потянул к себе. В глазах его вспыхнул ужас. Безграничный панический ужас. На секунду мелькнула надежда, как вспышка, только она моментально угасла. Какая может быть надежда? Когда в доме два офице-

ра, а под твоей ладонью розовая бумажка-похоронка. Только страх. И боль. И слышно, как часы отсчитывают время.

– Как это произошло? В бою?

Лицо Камышина исказила судорога, он потянул ворот. Пуговка затрещала, повисла на нитке.

– Это сделал я. Вашего сына убил я.

Варвара Филипповна вскинулась, закрыла руками рот. Рот готов был заголосить, но глаза! Глаза не верили. Не может быть! Эти двое – здесь. Вот они: красивые, здоровые, а главное – живые, так почему её Пашенька?.. Этого не может быть. Какая-то путаница... ошибка... путаница – кто-то ошибся. Правдивый яд ещё не отравил, ещё не проник в сознание: никогда, никогда она больше не увидит сына, потому, что его нет. Нигде и никак. Нигде. Никак.

Климент откашлялся, сунул похоронку под тарелку. Ему казалось, что пока не прочёл её – есть шанс. Или надежда. Или... как это назвать?

– Так... вот ведь оно как... – кулаки механически сжимались-разжимались. – Теперя, мать, ставь четверть. Нужно разобраться.

*

Ать-два.левой-правой. Не отставать! Шире шаг!

Глина липнет к сапогам – чвак-чвак. За шиворот льёт дождь. Плечо справа, плечо слева, тёмная спина впереди. Тяжелое дыхание в затылок. Не растягиваться! Держать строй!

Не шуметь! Все приказы – шепотом. От бойца к бойцу.

Рота на чужой территории. Родная чужая земля.

Марш-бросок. Семь часов хода без передышки. Для чего? Удар с фланга.

Командир даёт знак остановиться. Проверить гранаты, оружие – к бою. На взгорье два крупнокалиберных пулемёта, за ними река и мост. Укрепления оцетинились стволами – мощно, нагло. На их стороне сила. На нашей – неожиданность.

Рассыпаться цепью! Со всех ног! Короткими перебежками! Молча! Вперёд!

Главное – добежать до вражеского окопа.

Пять шагов вперёд, прыжок, упал и в сторону. Откатился, притих. Воронка – счастье. Тело убитого – прости, браток. Ещё рывок. На вдохе – только бы добежать! Только бы... Вжимайся лицом в грязь – иначе пуля достанет. Ничего, после отмоемся.

Пулемёты харкают пламенем, как бешеные псы. Повсюду свинец. Визжит рикошетом осколок – рядом рухнул товарищ.

"Твоя" пуля-смерть промахнулась, ударила в автомат? Поцелуй его и вспомни о боге. В бою не бывает атеистов.

До переднего бруствера полсотни шагов. Летит первая граната. Веер земли, вспышка. Ещё одна перебежка. И ещё.

Впереди чёрная каска. Нацеленное дуло. Злые глаза. Чеку – в зубы, гранату – вперёд. На! Получай!

Нож из-за голенища, автомат – в левую руку. Очередь в

чью-то оскаленную харю. Нож в чёрную спину. Ещё разок всади – для верности. "Пригнись!" – очередь. "За мной!" – удар ножом. "Граната!" – вспышка в блиндаже.

Очередь – нож – граната. Очередь – нож... Месиво. Мясорубка.

Полчаса перекур. Сложить в воронку своих – хоронить будем после. Собрать оружие, перезарядиться.

По цепочке бежит весть: "Дальше не пойдём! Дальше не пойдём! Дальше... нет... не пойдём!" Почему? Кто знает? Таков приказ. Заминировать мост и возвращаться.

Назад! Какое сладкое слово.

*

На ужин дали перловую кашу и по сто граммов за успешное выполнение боевого задания. Бойцы повеселели.

Камышин почистил ботинки, обмотки сполоснул в ручье, повесил сушиться. Рядом пристроил шинель. От шинели потянуло кислым, глубоко въевшимся в сукно потом. У костра курили товарищи. Камышин подсел, протянул к огню руки. Невесть откуда возникла флажка спирта. Приняли ещё по глотку. Начались байки – обязательные спутницы костра. "А он побледнел весь, трясётся и лопочет: магазин! Дай мне магазин! Хех! И брюквой от него несёт пареной!" "Да ладно! Сам исподники запачкал, когда рядом ухнуло!" "А у меня автомат заклинило, так я прикладом. По кумполу, его! По кумполу. Гляжу – затих, только ногой дрыгает". "Добивать надо, – выскажется обязательный резонёр. – Это беспримен-

но". "А умело мы их умыли!" "Умело? А сколь они нас умы-
вают?" "И Левченко жаль. Хороший был солдат. Очередью
срезало, ровно поперёк груди". "Всех погибших жаль".

Глаза слипались немилосердно. Уже сквозь сон Камы-
шин увидел, как рядом подсаживается старшина Полесни-
ков. Шепчет на ухо: "Сам командиру скажешь? Или мне до-
ложить?"

Сон моментально слетает, в голове становится пусто: "Он
видел!"

– Доложить что? Ты о чем?

– Как ты Рябина... того.

*

– Забижал он вас? Или повздорили? – Клим Петрович го-
ворил, опустив голову. Не мог заставить себя поднять глаза
на Камышина. – Он у нас драчливый. Пашка-то. Ершистый.
Был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.